

18+

Валерий Радомский

**ФАНТАЗИИ
УКУШЕННОГО
СЛАДОСТЬЮ**

Новеллы

Валерий Радомский

**Фантазии укушенного
сладостью. Новеллы**

«Издательские решения»

Радомский В.

Фантазии укушенного сладостью. Новеллы / В. Радомский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530001-0

...О Любви! О ней: красавице, притворе и мучительнице! О белом лебеде на пруду, без пары..., о сахаре и патоке чувств..., об одиночестве, в которое многие и нередко захотят, где и доживают своё, земное, на коленях... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-530001-0

© Радомский В.
© Издательские решения

Фантазии укушенного сладостью Новеллы

Валерий Радомский

© Валерий Радомский, 2020

ISBN 978-5-0053-0001-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НОВЕЛЛЫ

САХАР И ПАТОКА

Сумерки отодвинули жару от тротуара и, как мне показалось, встретившиеся мне прохожие радовались этому тоже. До «АТБ» – шагов сто, где-то в это время и в этом магазине я запланировал купить блок сигарет и что-нибудь себе на ужин, ещё не приевшееся. Заодно, докуривал сигарету, пребывая в безмятежности, и дышал удовольствием одиночества. Оно, одиночество, бывает и таким даже, если наслаждаешься покоем в душе. Об этом и думал, но сбежал бы от одиночества в любую секунду, как бы и чем бы это ощущение разобщённости с миром и единения в себе меня не устраивало и не радовало. Суэта торгового зала обошла меня стороной, не коснувшись даже локтей – вернулся с покупками в сизый вечер, он по-прежнему обнимал меня всё той же безмятежностью и уже голубел от света фонарей. Задержался на площадке крыльца, никому не мешая – в сторонке. Белые бордюры, очертив дворик магазина на входе, подвели взгляд к, вроде, пятерым мужчинам, усевшимся на них, с просящими руками. Но милость была иного плана: бутылка то ли вина, то ли чего-то ещё переходила из рук в руки и зычный хмельной восторг, булькая в чьём-либо горле, вырывался наружу общим и завистливым довольством. Была среди них и одна женщина. Лица я не видел из-за плеч мужчины, что присел прямо перед ней на корточки, да пьяный галдёж и шарканье ног повсюду внезапно заглушили звуки аккордеона, высветившийся розовым блеском. И женщина запела – её хрипловатый грудной голос жаловался в безнадёге стоном:

«Пьяница горькая – горькая пьяница,
А ведь когда-то была я красавицей!
Губоньки, глазоньки ты целовал,
«Грудочкой» сахарной называл...
Да патокой горькою душу залил,
Ты веточкой вишни меня надломил —
Я ветра игрушка с тех пор, усыхаю
Любовью к тебе, а обиды не знаю...
И знать не хочу потому, что люблю!
Тебя! Лишь тебя! И, играя, живу
Пьяницей горькой-горькою пьяницей,
Веточкой сломанной, опечаленной...».

Я ошалело сбежал ступенями вниз, сделав несколько торопливых шагов и будто бы издавна ожидаемых от себя, к сидящим вдоль бордюра – к той, что вмиг опоила меня воображением той самой «пьяницы горькой-горькой пьяницы». Только что-то, да пережитое и нет, удержало меня за плечи – я замер, поник, завернув в лоскуток сумрака наверняка изуродованное выплеснувшимся из меня страданием лицо. Хотел уйти – отошёл в сторону, чтобы, не пряча глаза, ненароком не потревожить ошеломлённым взглядом своё же прошлое... Сердце кололось, словно сходило с ума, а глаза в непрерывном моргании трясущихся век подбирали

в растерянности иной взгляд: который не лгал Ей... Никогда! И сейчас – сколько же лет прошло?! – не хотел Ей лгать...

Три года с Ней!.. Три года как Она, вошедшая в мою загулявшую в одиночестве жизнь на точённых ножках, в абрикосовых туфельках на высоком каблуке, словно на упругих веточках – зашла как-то, осторожно даря улыбку. Извинилась за неожиданный визит, и собой – смуглая, фигуристая, пленяющая запахами надежды на что-то, что и понять не успел – в миг упорядочила меня в намерениях терзающегося ума и в желаниях приунывшего в годах сердца. И – чудо из чудес! Наконец-то: мои сердце и разум – заодно: быть с ней, всегда, и желать везде и во всём. И сразу – плен в радость! И сразу – робость воображения до стыдливости что-либо воображать заранее, как тут и – неуверенность, острота дыхания, и веселящая дрожь на губах: «А ждал-то, выходит, не напрасно!». И сразу после этого – страх перед гордой и даже чуточку заносчивой женской красотой. А она ведь – такая, и такой обязана быть, чтобы, разозлив страстью, этим и обязать встать перед ней в полный рост, так, неосознанно даже, приветствуя и преклоняясь. Я же сидел в стенах редакции радио, готовился к радиопередаче, выправляя свои же каракули на листах информационного выпуска, чтобы через пару мину, от студийного микрофона, прочесть всё на одном дыхании и, упаси Бог, «не забуксовать» в эфире; как вдруг, сначала, лёгкий и кроткий поклон шеи, в приветствии, затем – так заколотилось сердце, ну, так заколотилось..., и я – рывком со стула уже очарованный, в полный свой рост приветствующий и преклоняющийся перед вошедшей ко мне Мечтой.

...1080 дней и ночей прожиты с Ней без суеты и личных притязаний на что-либо из чувств и ощущений – оба были полны под завязку тем, что, имея, мы раздарили друг другу. Я впервые ощутил себя самодостаточным. Моя прежняя жизнь, бабника и козла в чужом огороде, остановилась на Ней как на «зебре» с плачущим котёнком посередине. Она стала моим миром, о чём как будто для меня написал, как раз накануне моего рождения, поэт Наум Коржавин: «Ты мир не можешь заменить. но ведь и он тебя – не может». Ощущения моего мировосприятия были знакомыми – я это уже переживал. Точно! Да себя никому не позволял любить так, как они могли. Только причина была во мне самом. Оказалось, что самому любить слаще, чем быть любимым. А любить – это, своего рода, профессорское чувство, со ступенями научных знаний и достижений. Опять же, «профессором» оказалась Она. Но и мои практики отношений с женщинами часто и надолго запирали нас в «аудитории», а от дополнительных занятий «прикладными науками» – нет-нет, продолжим!

Вместе с тем в этой новой для себя жизни я видел всё и всех, а уж девушек и женщин – как без этого?! Да и зеркало привлекательности женщины, её очарования – глаза мужчины. Я, да, дарил, и не по привычке, каждой красоту придуманного и не придуманного отражения её. Для неё же – единственная и не неповторимая. Хотя, бывало, и не на что было смотреть. Но видеть женщину её глазами – это искусство от практик: не замечая даже убогость. И та же улыбка, на прокуренных (пусть!) зубах или щербатая даже (пусть!), или неуклюжая в искренности, подёрнувшая лишь смешно усы кверху или отенившая ещё ярче рыжую бороду, ничего не стоит для мужчины, если он до этого зрелого статуса дорос. Такая его улыбка, любая – положительно оценочная для той, кому подарено не скоропортящееся внимание за просто так: за красивые глазки! Ведь его собственная красота не только в женщине, что идёт с ним рядом под руку, она ещё – в молчаливой благодарности случайных глаз напротив, а потом – во взгляде их вслед. Со стороны. Издали.

На протяжении этих трёх лет, я не всматривался в лица, красивы они или только привлекательны, не ждал ответных эмоций, – вспоминалось, глядя туда, где бродила переливами в сиреневых шторах ЕЁ тень. И не успокаивалась, ожидая, как и я сам, что вот-вот Она позвонит по телефону, или вот-вот постучит запечалившейся в ожидании радостью. Продолжая тонуть в стареньком кресле, давно ставшим для меня мягким и удобным от непритязательности что-либо изменить в моей холостяцкой «однушке» под самым небом и что-либо в ней

добавить, я курил, пускал дым кольцами, убивая время волнующими меня очень близкими по времени воспоминаниями.

Чуть ли не каждый день, проведённый вместе, Она удивляла меня своим трогательным заботливым вниманием: то подарит запонки к рубашке, что Ей нравилась на мне, то повяжет мне галстук, от цвета которого я зажигался восторгом и благодарностью, то шалуньей брызнет вдруг, со стороны, туалетной водой, а запах, запах какой!.. Моё обожание Её поступков при этом и стыдилось, и робело, и морщило мне лоб застенчивостью во взгляде, точно я не заслужил воплощённого в приятный сюрприз щедрого внимания, или ещё не заслужил. Не случайно поэтому хотелось быть благодарным, надёжным и преданным Ей побыстрее – она была первой и единственной, кого я привёл к себе в дом и моей женщиной, и матерью детей ...не от меня. Оказалось, как я понял к сорока годам – нет чужих детей, если ты любишь их мать не только за теплоту и ласку в постели. Потому и нет чужих для мужчин женщин в принципе – или твоя, или не твоя. Оттого, встретив Любовь, будь готов стать отцом раньше, чем станешь мужем.

Я не стал ни тем, ни другим – Сашке было четыре, Виталику восемь, а Она и не звала к себе в дом. Позвал их, троих, к себе я, ...и только тогда Она пригласила меня, чтобы познакомился и с ними.

Не забыл – как такое забыть: шли вдвоём, а жизни вокруг была нужна лишь Она одна. И жизнь откровенничала Ею, на ходу перерождая меня в живое понимание в удивлении, которое объясняло, и не молча, многое и доходчиво. ...До рассвета Она подметала и мыла лестничные пролёты в домах, что серели стенами недалеко от такого же, многоэтажного, в котором жила сама – «...Спасибо, девушка, спасибо, красавица. Какая же Вы!..»; ...отводила в сад, затем в школу своих мальчуганов – «...Мамаша, вы – умница: мальчики светлые, опрятные!»; ...и – на торговый рынок, бегом, за холодный бетонный прилавок – «Как хорошо, как хорошо, что ты пришла, а мы уже стали бояться, что не придёшь!..». (Она нужна была всем с утра до поздней ночи. И Её, притягательно женственной в глазах парней и мужчин и добродушной простушки с языков подруг и знакомых женщин, хватало на всех. А ревновать и собачиться, и по этому поводу тоже – на это у нас с ней не было времени: время дорого, если любишь и не устаёшь любить и быть любимым! Да и время для наслаждения любимой жадное собой и ненасытное, если знаешь к тому же, что и сам любим)

...Квартирка однокомнатная, на восьмом этаже, с балконом во двор; диван – слева, кровать – справа, синий палас на полу, стол – посередине, отглаженные до блеска занавески на окне, чёрно-белый телевизор на тумбе, розовый торшер в углу. Простенько всё, уютно даже, и поразительно чисто!

«А это что?» – спросил я однажды, заинтересовавшийся розово-красным блеском под кружевной накидкой. «Аккордеон», – ответила, будто призналась. «Играешь?» – вырвалось из меня само собой. «Живу», – обронила Она, намеренно отходя от тумбы и, вроде как, стыдясь не игры на этом музыкальном инструменте – нет, нет, а чего-то ещё, точно привязанного к нему, невидимого мне. И я счёл правильным для себя – избавить Её от смущения. (Смутился я, чуть позже – деньги от меня Она так ни разу и не взяла, чего я постичь умом так и не смог)

Поднявшись из кресла и машинально подойдя к зеркалу, я заметил и оценил подвижность своих губ: улыбаюсь Ей, воображаемой и ненаглядной. Но мне уже давно не терпелось разгадать Её жестокую и холодную просьбу: «Хочу побыть одна! ...Меня не будет день, два, возможно, что и три – не ищи меня. ...И верь мне!». И в этот раз – «Хочу побыть одна!» – Она увезла повзрослевших на три года, уже при мне, мальчиков к своей маме. Такое – два-три дня раствориться во времени и пространстве, не часто, но обязательно – она позволяла себе сама. Я не спрашивал, почему и зачем, даже при том, что ревность не самое лучшее качество мужчины, но и не самое худшее – есть ещё (по крайней мере, бывает) безграничная вера женщине. Я верил себе: видел женщин голыми в одежде – годы: сорок лет! – и физической измене нечем было передо мной даже прикрыться. Отсюда и раздевающий мужской взгляд, который,

обычно, ищут молодые, ещё краснея всё же от стыдливости, отыскав его или же на него напорвшись. Взрослые ...взрослые женщины оставляют такой взгляд позади себя, но не торопясь уйти от него как можно дальше. А Она прятала от чего-то саму себя, но не пряталась от меня – я и сейчас это чувствовал на интуитивном уровне, поглядывая от зеркала на бордовый телефонный аппарат.

Очередные два дня без Неё стояли томительным ожиданием. Моё спокойствие взбунтовалось учащённым дыханием, грозя удушьем неуёмной влюблённости – я набрал номер Её домашнего телефона, оправдываясь и признаваясь Ей, мысленно: «Может, я тебе уже нужен?!». Никто не ответил, да трубку подняли чьи-то руки и тут же опустили на рычаг – не показалось.

...Подходя к Её дому, мои глаза произвольно шурились, словно высматривали Её силуэт за стеклом окна (Окно для Неё было чем-то ритуальным в личном откровении, может – в ожидании, и комком из строй газеты Она, убираясь в квартире, будто бы оттирала на стекле не уличную пыль, а что-то прилипшее к ней самой. И злилась от этого густыми на цвет губами, но не уставая от однообразия движений руки. После, и долго причём, Её дрожащие пальчики нежно и вдумчиво касались сияющего стекла, извиняясь за что-то, похоже, и сожалея будто о чём-то в одночасье)

Уже на лестничных пролётах этажей тоской кричащие звуки аккордеона ноющей из сердца тревогой ускорили мой шаг. И почему-то обстоятельство – она у себя..., меня не обрадовало.

Взбежав на площадку восьмого этажа, я терзался в нерешительности позвонить в Её дверь, постучать, позвать, закричать... Стоял, уткнувшись лбом в панельную стену, раздирая кожу острыми влипшими в побелку бугорками, не чувствуя ни боли, ни прежней уверенности в Ней, непогрешимой. На весь подъезд аккордеон вопил метавшимися за дверью переливами нот, жалуюсь высокими тонами, проклиная низкими, а что, за что или кого – это уже было не так важно.

Я не позвонил, не постучал, не позвал и не закричал – грохнул кулаком о дверь соседской квартиры, ясно вспомнив, что у них, у молодой семьи, Она хранила свои запасные ключи. Раскосая хозяйка на снастях открыла мне быстро и, упреждая мою просьбу, сама сунула в руку ключи. Вжимая курчавую головку в плечики и прикрывая рот, словно пугаясь того, что должна мне сказать, девушка призналась, всхлипывая от горькой неподдельной жалости:

– Она снова!.. Опять, опять ...запила!

Дверь соседки закрылась бесшумно, как и я открыл Её дверь. С коридора были видны распахнутые дверные створки зала – Она сидела посередине, на паласе, в одном нательном белье, прозрачном и осветляющим Её природную смуглость. Коричневые ремни аккордеона цепко, будто – не отдам, удерживали тонкие плечики в плену позы здорово пьяненькой. Сам аккордеон, игриво красный, рвущийся от игры на нём то вширь, то снова сбегаясь белыми мехами в толстую чёрную полосу, и подобно задранному к подбородку подолу, предоставлял глазам возможность вожделенно прилипнуть к Её потрясающе красивым ногам. Даже в эти секунды моего полного недоумения от увиденного я всё равно обожал эти чуть раскинувшиеся в упоре ноги, но изнутри самого меня напирала и напирала темнота ужаса самой ситуации. А Она запела, роняя по сторонам слова из души, созвучные механической душе инструмента. Её как бы простуженный от врождённой хрипловатости голос плакал словами:

– Пьяница горькая – горькая пьяница,
А ведь когда-то была я красавицей!
Губоньки, глазоньки ты целовал,
«Грудочкой» сахарной называл...
Да патокой горькою душу залил,
Ты веточкой вишни меня надломил —

Я ветра игрушка с тех пор, усыхаю
Любовью к тебе, а обиды не знаю...
И знать не хочу потому, что люблю!
Тебя! Лишь тебя! И, играя, живу
Пьяницей горькой-горькою пьяницей,
Веточкой сломанной, опечаленной...».

В проигрыше регистры аккордеона в звуках неуёмных печали и страданий растворил Её голос, затем безутешные рыдания, после чего Она, обречённо откинув голову назад, вдруг и резко повернулась ко мне лицом в ручейках не раз потекшей с ресниц туши. ...Она видела меня. Явно осознавала себя. А взгляд, ни чуть не испугавшийся себя такой – пьяной, полубо-нажённой и растерзанной тоской – не извинялся передо мной. Потому что, видя меня, Она смотрела сквозь меня на того, для кого только и осталась его печальницей. Ещё через мгновение, аккуратно всё же и бережно разместив аккордеон рядом с собой, с боку, потянулась к бутылке вина в партитуре нескольких опустошённых и светлее поэтому на свету. Поднялась с паласа, и глазами, за что-то жалящими меня, будто бы отталкивала, отталкивал и отталкивала: не смей! не заходи! оставь меня! Так я прочитал этот затравленный едкими переживаниями взгляд и в тоже время меня просящий: ...не корить! ...не осуждать! не гневить Бога – без вины виновата! Она демонстративно (может, и показалось) поднесла бутылку вина к бледным и припухшим от долгого плача губам – что было потом и как, ничего этого я уже не видел.

Я не возвращался к себе домой в тот откровенный на многое, что пришлось пережить, день – убежал ...от, говоря словами песни, потоки Её чувств ко мне. Когда-то что-то подобное, или ещё хуже, случилось и с Ней – тот, кого она любила во мне, когда-то пленил Её сердце именно потоком своих чувств. И я полагал – это сделал отец Саши и Виталика, и что упрямо вертелось в моём уме ещё – бессрочно.

На бегу я тёр себе щёки, губы, до жару растирал ладони, умом понимая, что всё во мне, чувственное и благородное, прилипло – не отодрать, к Её невольному обману и честному притворству любящей. Нет-нет, Она всё же любила меня (но умом!) и в это искренне верила, даже не убеждая себя в том, что любит. Однако это Её чувство никогда не принадлежало мне, в качестве понимаемого под взаимностью. Оно отыскало меня, случайно встретив, и я лишь стал тем, кто собой обласкал её ожидание и немного унял в Ней боль, подспудно изводившие и сладостью, и горечью воспоминаний из Её прошлого. Она понимала и не понимала себя. Потому, не зная, как выплыть из уже собственной патоки отношения ко мне – не отлюбив сама, но желая быть по-настоящему любимой мной, только ещё больше завязла в липком несчастье. ...Сладкое горе – точно сказано, да и «веточкой вишни надломил» – от такого горя, и что нелюбимая, брошенная и забытая – заболит и надолго-надолго. А мы ведь только любим сильнее, когда нас уже не любят, и боль эта ползучая ...за тем, кого разлюбили!

Себе я признавался в догадках, что Судьба поставила меня на паперть Добра и Зла перед Её дверью не забавы ради. Я изначально искал оправдание Ей, чтобы, разобравшись наконец-то и в себе самом, иметь самому прощение многих. И неслучайно Она открыла для меня образ женщины, чьё любящее сердце – «грудочка» сахара, которое я, он, мы..., мужчины, когда вымазываем, когда обливаем лишь сладковатой патокой своих или притворных, или неумелых чувств. Тогда же, в тот самый день, открыто перед всеми и всем, что виделось и встречалось на пути к своему дому, глотая не скупые, как принято считать, мужские слёзы, я спрашивал себя в голос, обрекая на сумасшествие в яви, а любил ли я сам так сладко-сладко; чтобы не измазать, не облить доверившую мне своё чувственное переживание горьким разочарованием и липкой опустошённой? Я побоялся ответить себе на это сразу, да и настырно думалось о своей «грудочке» сахара, что до меня растопили на горелке телесных желаний до коричнево-сладкой горечи – в чём же Её вина? Обманулась в себе – обманула меня. Вроде, не сложно понять – моральная измена, полагал, соглашался и убеждал себя я, но как принять её, если

только не закрыть глаза, чья открытость нужна, чтобы не заблудиться в душе другого. А особенно того, кому ты сам доверился в личном переживании.

Уже вернув своё непослушное тело в скрипучее общим прошлым кресло, я вспоминал своих женщин по жизни: кого, увидев однажды, не раздевал сразу взглядом, кто ненароком сбивал мне дыхание и выпрямлял перед ними той самой, уже пронзившей меня, стрелой Купидона. ...Таня Мороз, с глазами ночного неба и с улыбкой от нежности – ушёл от неё: любил пылко и искренне, но не хотел так рано жениться; Лена Войтенко, когда – звонкая берёзонька в платице, когда – золотистая ива-молчунья над водой, родившая в любви – взаимной и нежной – мне дочь-красавицу, какой была сама, и прощавшая мне измены, пока сама не разлюбила, унеся в себе тот самый свет в окошке, который лишь понимаешь, что он для тебя значит теперь, когда погас; ...Света Маркова: с задиристым носиком и цыганским, завораживающим, взглядом – предпочла мне майора внутренних войск, а родному городу с умеренным климатом – лихой и свирепый на морозы Мурманск.

Вот, пожалуй, и все мои женщины, с которыми Судьба развела. Вот только моё сердце их не отпустило. Ведь они, заинтересовавшиеся мной осознанно, так же и подвели меня к себе, тропинкой и своих намерений, убрав с неё перед этим преграды их личностного – чтобы я тем самым голубем, единственным и сизокрылым, взлетел ввысь их ожиданий. Не раскинул над ними – крылья разумности в любви или вырастают, или не вырастают никогда! Образно говоря, они, эти мои женщины, равно как все другие, подарившие мне себя на память в удовольствие, стали для меня, но уже по-настоящему взрослого, очеловеченными и одухотворёнными раскрасками моей радуги самоутверждения и самооценки. Хотя, скорее, это цвета сути разумной Любви с палитры женственности и очарования тем, без чего жизнь мужчины, что бокал вина, упавший в снег: глаза восторгает багряный искрящийся цвет, а он, прикоснись лишь, измажет за нерасторопность. И хотя бокал один – вино не заканчивается пятном на снегу, и оттого взрослость наша – это время серьёзных отношений, и прежде всего, для женщин, ...многих женщин, учивших меня побыстрее стать именно серьёзным и ответственным. И каждая – собственным разумению и умыслу, а мне ведь и в голову не приходило даже, что все они, все до единой – мои учителя обольщения ими и самой жизнью, в которой лишь одни они – боги и палачи!

Вскоре Она позвонила – звоночек робел от Её неуверенности, что разговор состоится. Возможно, что – а надо ли это сейчас?! Вечером – настойчивее и требовательным – в полночь. Но я не ответил ни на один: не зови несчастье, потому что оно придёт. Да, перетерпев, его можно и, может быть, нужно пережить вместе, однако в итоге – несчастны оба. (Годами позже я проживу подобное состояние разорванности, отрыва ума от чувств и наоборот, в третий раз, но с другой женщиной и в силу совершенно иных обстоятельств. И в этом, в неподвластной, думаю, что никому, дистанции по продолжительности душевных, и какие только могут быть, мук и страданий, я её прошу, сам нуждаясь в прощении, но отнюдь не её...)

Ночью я поездом отправился в Воронеж, и если от увиденного в Её квартире я бежал, и в буквальном смысле – тоже, то поездом сбежал не от Нёе, а от себя. Помани Она пальчиком – не устоял бы: только привязать!

(В петровском – Пётр Великий – городе годом ранее, по завершению учёбы в университете, мне предлагали аспирантуру и работу корреспондента в солидной по тем временам газете «Южный берег». Отказался сразу и не в последнюю очередь потому, что без Нёе задыхался. Как это и бывает, обычно – когда Любовь не только залепит звёздами глаза, но ещё и развернёт лицом к без разницы какой, слепой, глухой или кривой, Удаче. В бегстве от себя, грешного до пят, да безгрешного от признания умом, что «Легко простить, если не любишь, а если любишь – как простить?!», я видел резон для нас обоих: оставить всё так, как есть. То есть, отпустить ситуацию, чтобы само собой всё разрешилось. Остаться врагами в Любви – упаси Бог! За себя такую, воющую презрением и ненавистью, она накажет тем же и непременно. ...

Там, в Воронеже, я и вернулся в свою прежнюю жизнь до встречи с Ней: бабника и никакого любовника. В последнем качестве я оценивал себя сам, так как не моё это: цокать копытами жеребца, чтобы услышать ржание кобылицы...)

Какой сон, да ещё в трезвонящем храпом и сопением поезде, когда тебя ломает собой, недосмотревшим и допустившим к себе неприкаянность, а печалит Ею, обманывавшую саму себя всё это время. В сущности – без вины виноватую передо мной. Да и вина ли – морально изменить моей верности?

«Разве у Любви есть имена?» – выпытывал я сам у себя, обласканный в памяти снами об одной и той же женщине, которая даже (и не один раз, и не два!) приходила ко мне, заснувшему в Её цепких – моё! моё! моё! – горячих объятиях? И до Неё ведь тоже снилась она, Лена-Леночка, девчоночка ещё, родившая от меня в семнадцать, измучившаяся мной, но ведь так много отдавшая мне как познание. Ушла, с зацелованными её же печалью губами – познал: виноват тот, от кого уходят. А Таня, медсестра и аптекарь моей болевшей глупостями молодости, от которой ушёл я, бросил, и кого – ту, что электричкой с Иловайска приезжала ко мне, в Горловку, на пять минут, чтобы услышать в благодарность от любимого: «Мне некогда, прости, ...в следующий раз!»; и в результате заслужено ведь познал от неё, что нет маленькой или большой подлости, а совершивший её – подлец на всю жизнь! ...Подлец! Это же как для мужчины привычно, чуть ли не комплимент, однако сокрушительно легко уничтожает тебя в любящих глазах! А Света-Рассвета, ...умная, потому что быстро сообразила, что моё кредо: «Будет так, как я сказал, или как мы решим, или, вообще, никак не будет!» – мои 75%, а её, всего-то, 25%... Умчалась в морозы, отказавшись не от меня, кем заслушивалась до рассвета, не уставая повторять с придыханием: «Говори! Целуй! Говори!..», а от раба, во мне, сугубо эгоистических принципов. И что с того, что никого – кого любил, пусть и так: бестолково и порой омерзительно, и кто любил меня опрометчиво вдохновенно, я не забыл, потому что в Любви познавал себя таким, каким я был им не нужен. Не нужен! Хотя, познав себя таким, и признал таки свою же никчемность. Не сразу – сам наплакался от себя, себялюбивого, но поумнел благодаря им всё же.

Так всё же, почему нередко и не часто мы обращаемся к своей любви в реальности по имени из своего прошлого или настоящего, а вернее – из будущего в ожидании, заговариваясь как бы? Почему в лицах Любви мы ищем кого-то – такого же, но..., такую же, но..., или без всяких «но», не соглашаясь тем не менее с всё равно, лишь бы!?. Потому, что Любовь есть в земной реальности незыблемое продолжение начала ни её первой, ни её последней, в чём мы обманываемся по её же велению – не зарекайся, а есть не завершённое нами начатое однажды: дополнить себя кем-то, в сущности – тем, чего нет у самого. ...Река – берег, берег – река, а дальше – величины нашего понимания и оценки того, что имеешь, сравнимые с шириной, глубиной и скоростью её, Любви, течения во времени и пространстве. Потому мы любим не испрашивая взаимность, а объединяя в себе тех женщин, тех мужчин, кому обязаны продолжением своей любовной истории, одной и на всю жизнь! И Она, сломанная веточка вишни, желала именно этого, пряча себя от себя, безгрешной телом, но три года «грешившей» душой в своём воображении. (Глупо, ой как глупо и смешно, может кому-то и для кого-то и будет очень спориться, но меня уже не переубедить: все мы, женщины и мужчины – выношу за скобки детские, юношеские и девичьи романтические чувствования – не моралисты однолюбы по жизни. Измена измене – рознь, это понятно, однако же все мы изменяем, и регулярно. Нет в нас, ни в ком, запрета на то, чтобы быть в пространстве любимой/любимым, а во времени – такими же, но любимыми теми, кого прячем в сердце и воображаем от желания-влечения к ним. И так, проживая чувство мысленного притяжения ...не того, кто рядом, заплываем в измену, а выбраться – уже никак! Любовь у нас единственная и навсегда. Она лишь рядиться в наряды неузнаваемости никем и никогда, пока сам не проговоришься – грешен, или не станешь прятать себя от себя. Любовь не обманщица – она мучительница в наших познаниях

себя и искусанная притвора наших же признательных желаний: любить и быть любимыми. Она отзывается каждому, потому что всегда готова к кому-то подойти впервые и к кому-то вернуться!)

Воронеж, город длинноногих красавиц на загляденье, встретил меня ясным, солнечным днём, как будто знал, что на душе у меня сыро и зябко. Прожитые в нём десять лет я корил себя лишь одним, что отмолчался перед Ней в объяснении уже своего поступка: отъезда бегством, и не выслушал всё же Её, мою «грудочку» сахара в патоке.

... У подсвеченного уличными фонарями и первыми звёздами магазина «АТБ» я второй раз слышал хриловатое, горчившее искренностью пение узнаваемых женских слёз и механическое рыдание души одного и того же аккордеона, созвучное теперь и моему личному бесконечно во мне продолжающемуся переживанию. И во второй раз стоял я на паперти Ада при жизни, разодранный противоречиями пополам, потом ещё пополам, ещё..., прося у себя самого хоть какого-либо решения от моего мужества или бессилия. ... Мужество подтолкнуло в спину – я побрёл к своему дому, без зажжённого света в окне. Бессилие от следования настоятельному совету милости от Любви – не унижай свою любовь и мной не унижайся! – сомкнуло мне ресницы, словно нежданно-негаданно увиденное мной и услышанное только что – это сон, а Она – лишь один из цветов радуги моих грёз наяву. Но что-то ещё во мне усердно прислушивалось, внимая словам плакальщицы: «... Я ветра игрушка с тех пор, усыхаю любовью к тебе, а обиды не знаю».

(2020 г.)

КРАХ!

(Не один десяток лет я отказывал себе в том, чтобы поведать собственную историю – сейчас моя жизнь годами покатила в неизбежность, а кто-то только-только ещё учит буквы и слоги..., – в которой подлость меня, нет, не поработила, а измотала ненавистью и злобой. Но к тому, что как-то случилось со мной и моей подружкой – пикантный этический и нравственный момент – я же и сам причастен. Хотя мне и не в чем оправдываться.

С одной стороны, с нами случилось смешное, с другой – не до великого это смешное привело. Правда, подлость в конце концов и сама запуталась в парусах собственных страстей, до этого, тем не менее, порядочно измазав собой девичью честь, и это обстоятельство – девичья честь! – гнали из моей памяти весну 1975 года, когда всё это случилось и началось... Забегая вперёд, лишь скажу – девочка, повзрослев и став женщиной, сама ответила подлости... Причём... – даже не знаю: сугубо ли по-женски, но именно от смешного до великого...)

Май того года не маялся – расцвел в сухости и покое. Таким же, благоухающим, выдался и его первый день. ... Праздник!

Проспектом Ленина возвращались с парада горожане. Мужчины и парни, подвыпившие – хмель и прекрасное настроение тех времён в них пели, а уж танцевали – повсюду. Да – ещё как, и что пели?! Словом: «Вышел в степь донецкую парень молодой...» в припляс! Женщины, естественно – частушки, а их время праздничных хлопот топало, пританцовывая, к этим хлопотам их же ножками в прозрачных чулочках, а то и без них – жара!

Юрка Прохоров, токарь машиностроительного завода им. Кирова, во время построения демонстрантов в общую, городскую, колону на проспекте Победы «отклеился» от своих заводчан и в это время вёл нас – меня с белокурой Светланой (тогда я встречался с ней, а она была в меня, кажется, влюблена), Сашкой Чирковым и Вовкой Петраковым в гости; оба крепенькие, сбитые телом – любили они тяжести тягать..., в их светлых глазах всегда отсвечивало что-то хорошее. Пожалуй – простота и доброта разом. Да с девчатами у них как-то не получалось, не давалось даже знакомство, а не познакомившись – гуляй, Вася!.. Вот это, что у меня неплохо получалось: кадрить девчонок, им-то (да и не только им одним во дворе) и нужно было, оттого мы и корешевали.

«Прохор», то есть Юрка, посёлок «Рудуч» знал прекрасно и вёл нас к Светкиным подругам, а та лишь подсказывала: правее-левее. К троим, тоже учащимся Горловского торгового техникума. ... Чувственная пора юности, и праздник был для них поводом, чтобы себя показать, да прежде всего – прицениться, говоря фигурально и не совсем, своими девичьими чувствами и ощущениями к незнакомым парням, а таких-то и обещала им привести Светка на 1-ое Мая.

К нужному дому, а посёлок «Рудуч» относился к частному сектору, пришли быстро. К тому же Даша и Маша поджидали нас у калитки – вроде, только-только..., а уже и – в гостях.

Дом каменный, с высокой крышей, и я сразу же предположил, что под крышей – комната, очень просторная, и она фактически принадлежит Тане, о которой не раз до этого мне рассказывала Светка. Причём – душевно: подруги, как сама говорила! Но меня первым делом приятно удивила калитка. По центру сварщик сработал ... картину, из обычной строительной монтажной арматуры: парусник на волнах. И пока мои парни знакомились с милашками Дашей и Машей, с выпирающими из под блузок сочными (по-другому и не скажешь) грудями, в моей голове рифмовались слова. И первые две поэтические строчки волны на калитке «пригнали» мигом (корпус корабля был покрашен коричневой краской, а сами паруса – вишневого цвета): «Закрой глаза – увидишь парус, вишнёвый – так цветут сады».

Перезнакомившись, двинули к порогу в ещё более приподнятом настроении – напряжение всех попустило до безмятежности, да только увидели хозяйку дома, Таню, «Прохор» стрельнул глазами в сторону Сашки с Вовчиком: моя! Те и не возражали: Даша и Маша их впечатлили, оставалось лишь решить в дальнейшем, с кем – Даша, а с кем – Маша. И обоим грудастеньким хохотуньям тоже, так мне показалось, приглянулись и Саня, и Вовчик.

Моё предположение о том, что комната под крышей была и просторной, и всецело Таниной, подтвердилось. Но праздничный стол был накрыт на первом этаже с привычной для того, небогатого на выбор интерьера, времени мебелью: орехового цвета сервант со стёклами-створками, из-за которых взблёскивал хрусталь, диван-раскладушка, застланный покрывалом, ковёр на всю стену в этом месте и на полу, чтоб узоров побольше – стильно по тем временам, два кресла с обеих сторон закрытой двери в комнату. Гадать – нечего и гадать: спальня родителей, точно! Накануне они уехали на майские праздники в Славянск, к родителям. Ко всему, там же и сами родились. Так что уютный и просторный даже кухней (по-хозяйски обставленная со всех сторон подвесными шкапами) дом был и оставался надолго, будь на то общая заинтересованность, в нашем полном распоряжении. «Гуляй, казачка, пока свободна!». ...Таня, как выяснилось сразу, и была внучкой новороссийской казачки, только я это брякни.

Сашка с Вовкой поднесли к столу то, что от нас и полагалось: водку «Экстра», вино «Тамянка» и сетку пива «Жигулёвское» – бутылок десять, если не больше. Питейный стандарт тех времён. И хотя много чего другого, креплённого, продавалось в магазинах, да именно вином мы угадали: сладкое и в голову бьёт хорошенько. Девчонки, приготовившие и выставившие на стол закуски, тоже предугадали наши вкусы: иваси под луком, грибочки маринованные, голландский сыр, колбаса «Докторская» и «Столичная», мясной салат под майонезом и, конечно же, сало с прорезью мяса, потёртое чесноком.

Первый тост – за солидарность трудящихся! ...Святое! Второй за нашу прекраснейшую Родину: Союз советских социалистических республик – ...и не пафос, и не формальность, так как мы и слов-то таких не знали. Дальше – выпили за родителей, а за Таниных – за то, что «свалили» на праздники – отдельно и под громкое-громкое «Ура!» и «Спасибо!». После этого – друг за друга.

Не прошло и часа – душам захотелось чувственного и вдохновенного. Этого только и ждала моя Светка (в ту горячую пору моей романтической молодости без гитары – то не я!). На работу, в шахту, этот привезённый из ГДР, где служил, музыкальный инструмент я, естественно, не брал, но вне рабочего времени из рук её не выпускал.

– ...А сейчас, девочки – торжественно и вместе с тем загадочно вздёрнув кверху две чёрные чёрточки бровей, объявила Светка, – вам, и только для вас, будет петь мой... – и неожиданно замолчала; как тут прикусила маковые губки, в задумчивости, после чего и произнесла с райским, не иначе, наслаждением: – ...Мой любимый!

А гитара, лишь по форме схожая на советские акустические гитары того времени, уже была за её гибкой спинкой. Она подала её мне. Парни мои вмиг затихли, потому что знали – намечалось действие горько-сладких грусти и печали, оттого щека Саши отыскала щеку Даши, Володя, взяв руки Марии, её ладонями прикрыл себе лицо, а «Проход», пересев за спину Тане, осторожно обнял открытые плечи, хотя этим и явно её обескуражил.

Прежнее веселье общим молчанием как бы незаметно вышло из дома, а выжидательная ожидаемая тишина в него вошла. (Я любил петь с детства, и это у меня неплохо получалось. В Армии же научился подыгрывать себе на гитаре, с тех пор и стал сочинять уже не только стихи, но и музыку к ним. Моё пение нравилось многим, ну, а песни – тексты моих песен и исполнение, терзая томностью души, запоминались и их пели, уже многие другие исполнители, не только в Горловке. Буквально в последний день апреля я сочинил новую песню и назвал её «Нелюбимая!». Тогда, в доме Тани, она и прозвучала впервые)

– ...Все говорят, что ты красивая —

От взгляда тает даже снег.

Но для него ты – нелюбимая,

И это знаешь. Даже смех

Его в тебе обидно дышит,

А взгляд ты прячешь в облаках,

Слезинки будто синью пишут,

Что нелюбима – как же так?!..

Я пел, произвольно глядя в лица своих старых и новых друзей, но взгляд на себе удержала лишь одна Таня, неподдельным сердечным вниманием. Возможно, я нечаянно напомнил ей о чём-то личном или подобное пережитое ею, если только не саму историю песни она напрочь отвергала.

Таня не была такой привлекательной теми же девичьими формами тела, как у Даши и Маши, вместе с тем свой возраст она переросла как бы и оттого смотрелась молодой женщиной, хорошенькой своими женскими прелестями и разумной во всём, что от неё исходило. ... Короткая стрижка русых волос, но с завитыми локонами под уши, а в них – серёжки-ромашки. Глаза – внимательные и понимающие. Невысокая и немаленькая, неспешная ровная походка от нежелания, скорее, смотреться кокеткой – успел подметить. Взгляд быстрый, но зоркий и осмысленный. Губы чувственные, бледно-розовые, выдававшие её внутреннее состояние.

После «Нелюбимая» Юрка попросил исполнить песню «Крах...». Я не был автором её слов, и как она звучала в оригинале, по решению сочинителя из моих солдатских будней, я и не совсем запомнил, да аранжировал эту песню по-своему. На несколько лет именно она стала «коронкой» двора. (Хитом, как бы сказали сейчас) А городские дворы к тому же – это сотни и даже тысячи слушателей. Слова этой песни простенькие, тем не менее любовь никогда и ни для кого не станет банальностью, а крах в любви – просто разлукой. И я запел:

– Ты уходишь! Ты уходишь,

А я вслед гляжу.

Поздно понял я, поздно понял я,

Что тебя люблю.

Но ты уходишь вдаль —

Слёзы на глазах...

Поздно понял, что любовь

Потерпела крах! Потерпела крах!»...

Да, простенькие слова, констатирующие, что (он) поздно понял... , что (она) ушла со слезами на глазах... , да «крах любви!» – это не ссора, не расставание, о чём я уже сказал, и ничто иное, кроме как – безвозвратность растаявших последним мартовским снегом чувств, которые с собою, когда-то, привели счастье. Может, по-настоящему счастлив был только один, может, и одно на двоих выпало счастье. Тогда: крах, действительно – безнадёга. Самая, что ни на есть, трагедия любви! Пожалуй, «крах» – на этом слове и держался слушательский интерес к песне неизвестного мне (до сих пор!) автора: трагедия любви – этого хочется избежать, не допустив такого, каждому и в любом возрасте.

Моё пение не добавило праздничного настроение никому. Но исполнение понравилось – аплодировали бешено, правда не сразу... А мою Светлану было не узнать лицом: она перехватила взгляд Тани на мне и как быстро выяснилось – узрела в подруге соперницу. Виду не подала, да в словах и жестах холодком от неё повеяло здорово. Ревность она ведь горячая только изнутри нас.

До танцев – когда позволенная близость партнёрши о многом говорит за неё саму – не дошло. Саша с Дашей, Володя с Машей-Марией, прочувствовав друг друга и без танцев – всем им стало горячо до желания уединиться, – вскоре отклонялись нам, четверым, чуть ли не хором прокричав от калитки: «Нас не ждите!».

Мы вернулись в дом прекрасно всё понимающие и, даже не присев за стол, стоя, выпили за ребят: чтобы им было мягко-мягко и сладко-сладко!.. Светлана после этого сразу же без сантиментов спросила Таню: «Где! Куда нам!?!..». Таня указала на диван, сообщив ей тоже без обиняков, где взять простыню и подушки. Прошла к входной двери, закрыла на ключ изнутри, оставив его в замочной скважине и чуточку повернув, чтобы – береженого бог бережёт! – с улицы, если вдруг – чем чёрт не шутит! – вернутся родители и попытаются открыть дверь своими ключами. А сама при этом – само спокойствие, и такая же, спокойная уверенность, подняла её деревянными ступенями лестницы к себе, ...под крышу дома своего. Юрка, не обращая на нас внимания, заглянул ей под платице снизу и от увиденного-подсмотревшего зажмурился блаженно, жарко растирая при этом ладонки. Налил себе водки – выпил в один глоток, и – за Таней.

... Меня разбудила упавшая на пол вилка.

– Ой, прости, – извинился «Прохор» из-за стола, зычно икнув, и неуклюже замахал в мою сторону обеими руками: спи, спи!.. Нагнулся, чтобы поднять, что так звякнуло – грохнулся со стула, а встать – я помог ему это сделать. Натянув на себя лишь брюки, подсел к нему и подпер его своим плечом, чтобы он не брякнулся снова, хоть и на ковёр. В это время Света продолжала спать, лёжа на боку, а к нам – спиной, прикрытая по плечи простынёй – ни дребезжащий звон, ни наши с Юркой голоса не потревожили в ней приятной истомы. Да и спала она крепко всегда после того, когда отдавалась мне, не сдерживая в себе всё то, что в минуты близости доказывало ей – желанна и любима (так ей казалось, что любима, а скорее – хотелось и того и другого).

Я спросил Юрку, почему так сильно ужрался, и мой вопрос, что называется ... в бровь!

– Не дала... Не нравлюсь я ей, хотя хорошая она, ...Таня!

И ответил так, будто и не пил вовсе. Правда, когда стал шептать мне на ухо, что понимает – девчонка ждёт своего принца под алыми парусами, а он – всего-то токарь машзавода... , мне едва удавалось его удержать в равновесии. А ещё тощий, как и я сам, потому и гнуло его то к столу с закусками, то буквально швыряло от стола.

– А всё ты, всё ты!.. – выдал он неожиданно, не презрительно и не обидчиво – раздосадовано.

И пояснил, хоть и здорово пьяный, всё равно подыскивая слова в паузах, чтобы не унижаться самому и меня не выставить виноватым:

– Всё ей рассказал: когда и как познакомились с тобой, в какой школе учились, как учились...

Делая вид, что слушаю «Прохора», я лишь тогда вспомнил цвет глаз Тани: зелёно-карие. Что бездонные – это я отметил сразу, ещё до того, как взял в руки гитару, а вот их цвет лишь зафиксировался в памяти.

Юрке не повезло: жаль, что Первомай для него начался с водки и ею же заканчивался. А мне, разве, не отказывали... Подумал об этом, и это же сказал вслух – и Юрке от этих слов, вроде, стало легче.

– Как ты там говоришь? Ну, козырная твоя фраза! ...Ага – он сам вспомнил: «Пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок. ...Карету мне! Карету!».

Зная упрямый и нетерпеливый нрав «Прохора», удерживать его я не стал – довёл до двери и вывел на улицу. Вечер, обступивший дом со всех сторон, только-только приблизился к окнам сумерками и они ещё поблёскивали. В сумерки он и ушёл. Но перед тем посоветовал мне, подружески, подняться к Тане:

– Хорошая она, куда твоей Светке до неё!

Я был в том возрасте, когда близость с девушкой, а особенно с женщиной, познавшей мужскую любовную страсть, или пусть и не прочувствовавшей её на себе, непременно окрыляет мужское начало в молодом мужчине. И этим будто бы подталкивает тебя, с каждым новым любовным романом, к откровению с собой, что ты уже можешь желать девушку или женщину открыто, не дожидаясь от неё ни намёков, что желает того же, ни чего-то ещё в этом роде. Если она свободна, конечно. Хотя я уже тогда умозаключал (для себя пока что!), что высокая нравственность и такая же, высокая, моральность, грубо говоря, в постельных делах – удача лишь тех, кто полюбил одну, или полюбила одного, раз и навсегда! Я слышал, что такое бывает – любовь до гроба, да думалось, возвращаясь в дом, а как узнать – единственный ты и навсегда любимый для кого-то, если не прочувствовать это на себе? Или той же самой Тане не предоставить возможность определиться именно с этим: её ли «принц» приплыл к ней из бытия ожиданий или не её всё же «всадник», загнав не одну лошадь, прискакал к ней, единственной. И такой, благоприятный для этого момент, предоставившемся случаем как бы сам собой настал для меня. И для неё ведь тоже!

...Она только глубже прикрылась, увидев меня босого, без рубахи, но в брюках. Была ли удивлена, – да нет: одной рукой поправила края простыни, чтобы её постель со стороны от открытых дверей на ажурный балкончик, сработанный, похоже, тем же мастером, что и калитка, выглядела белоснежной и свежо.

– «Закрой глаза – увидишь парус, вишнёвый так цветут сады», – заговорил я к ней стихотворными строками, родившимися в моей голове под впечатлением от вида калитки; не увидев рядом с кроватью на что могу сесть – сел перед ней на зелёный (и оказалось, что очень мягкий), будто весенняя травка палас и, скрестив ноги, я продолжил, спросив серьёзно: – ...Закрyla?

Ответом был её и насмешливый, и любопытный в то же время взгляд: поиграем в воображение? Я кивнул, убеждённо.

– ...Видишь: это ты стоишь на берегу.

Таня тут же закрыла глаза.

– Воображая, и часто – признался я ей, – так зову свою мечту... Она становится ближе ко мне. И это правда. ...Вишнёвые паруса видишь?

– Ну, вижу, – отозвалась Таня, и не просто отозвалась – с интересом.

– Глаза не открывай! – строго предупредил её я. – Тот, кто приплыл к тебе под этими парусами, подходит к тебе – его лицо видишь только ты – и берёт твои ладони в свои. ...Таня, руки твои где?

Таня робко и даже настороженно вынула из-под простыни свои ухоженные ручонки, развернув их ладонями кверху.

– Что ты чувствуешь сейчас..., – на её ладони я положил свои, к этому времени стоя уже на коленях и склонившись над ней, – тебе неприятно: его ладони тяжёлые и холодные? Чужие тебе?

– Нет! Они не такие! – торопливо возразила Таня.

– В них сила и надёжность?

– Не знаю. ... Приятно от их прикосновения. И жарко очень.

– Это твой мужчина, Таня, твой! Сейчас ты прочувствуешь на себе его губы – губы не молчаливы в отличие от рук. Они разговаривают сладкой влажностью или сухой терпкостью.

Осторожно и легонько я стал целовать уголки Таниных губ – она открыла глаза, но что-то в ней самой сомкнуло ресницы снова. Её русая головка, соскользнув с подушки, приподняла ей подбородок и губы произвольно приоткрылись. Вдохнув глубоко и с наслаждением, её ладони коснулись моей спины, а затем пальчики мягким гребнем вошли в мои волосы. И она позволила целовать её всю, приподняв ноги в коленях и так стягивая с самой себя простынь. ... Опомнилась – замерла, когда ей стало больно. Я уже знал, почему бывает больно – извинился тут же: откуда мне было знать, что она ещё девственница; приподнялся на локтях, чтобы всё это закончить, но гребень её пальчиков стал жёстким и притянул мои губы к её губам, заговорившими со мной сладкой влажностью. Этим она дала мне понять, что её девичьи грёзы, позвав мечту, стали явью, и её чувств тоже, а майский вечер, потушивший солнце, станет последним, девичьим, и первым в качестве уже женщины...

Завтракали не так весело, как вчера праздновали. Воспользовавшись разговором Светы по телефону со своей мамой, Таня тихонько и осторожно спросила меня:

– Мы ещё увидимся?

– 4 мая у меня день рождения, но обычно мы «гудим» всем двором по этому поводу сразу после Первомая. Сегодня начнём – к обеду меня уже будут ждать в апельсиновой роще (объяснять, что апельсиновая роща – это абрикосовая посадка рядом с городскими прудами, я не стал: сказал так по привычке). Но 5 мая я ложусь в больницу, возле кинотеатра «Украина»...

Таня закивала головкой – знает, где это.

– У меня язва, с Армии. Водкой только и спасаюсь. Направление мне выписали ещё до праздников – кровоточить начала. Надо ложиться.

– И ты ещё в шахте работаешь?

Таня обхватила руками голову, тряся ею, будто знала, каково это – рана в желудке да к тому же и кровоточит. На это я лишь пожал плечами, и продолжил:

– ... На первом этаже находится челюстно-лицевое отделение, а вот на втором – терапия, там меня и найдёшь. Запомни, или лучше запиши, мою фамилию...

Таня улыбнулась кротко, но явственно смеясь глазами.

– Мой Радомский! Мой Радомский! ... Светка о тебе только так всем и говорит: «Мой!...». Давно твою фамилию знаю.

И смех в её глазах исчез, будто и не было его вовсе – обернулась на голос Светланы, а та всё ещё продолжала успокаивать маму и клялась, что скоро будет дома. Таня кусала то верхнюю губу, то нижнюю: злилась, наверное. Потом обронила вряд ли невзначай: «Твой и ... мой!».

— — —

В отделении терапии меня знали как облупленного: за два года, что я легко отгулял, но тяжело отработал после срочной службы в ГСВГ (Группа Советских войск в Германии), это был мой четвёртый вояж ... за здоровьем, хотя бы до осени, когда нездоровье снова примчится, и обязательно. Запомнили почему? А как не запомнить больного, неизменно с гитарой, как со своим собственным лекарством. Всегда – за спиной, на зелёном в белых узорах

ремне, и красивая такая – явно заграничная, или гитара – рядышком с ним, да – хоть где: всё равно рядышком.

«Чудаковатый какой-то!» – это поначалу судачили: когда язва – оттого и людей плохих так называют – завела меня на слабых и коротких шагах в отделение в первый раз. А выписывался – «Осенью ждём!». Так со мной прощались, не желая, конечно, мне боли от осеннего обострения, а всего-то – не всем, но большинству персонала отделения – хотелось интеллектуального общения и услышать мои новые стихи и песни. Мои песни лечили души воспоминаниями, не всегда приятными – и то есть правда, да не только палатных слушателей. . .

Первую неделю пребывания в больнице я не вставал с постели. Таблетки, микстуры, уколы и капельницы – по часам, и – уже ночь за окном, одна за другой. Потому я и не ждал никого – одной маме разрешалось навещать меня.

К середине мая ситуация резко изменилась: с утра и до поздней ночи я высиживал и отлёживался в своём больничном «вишнёвом саду». Три низкорослые вишенки, но густо ветвистые, посаженные, может, а то и сами проросшие, далеко в стороне от двухэтажного больничного корпуса – это и был мой вишнёвый сад. Это место хорошо знали мои друзья – здесь, обычно, чуть ли не толпой, мы и проживали моё больничное время. Моё – потому, что все, кто приходил меня проведать, были ведь моими гостями, только «гости» – это так: к слову. Дворовые пацаны с девчонками приходили надолго, и, понятно, не с пустыми руками: водка, вино, пиво лились рекой до звёзд на небе и Луны. Только молодость – она ведь не только дерзкая и выпивающая, и немало, главное – не скучная. А двор, в котором я вырос и жил, никогда не дрался «стенка на стенку», между собой – да, бывало не раз: как без этого по-настоящему подружиться? К тому же мой двор – это шесть пятиэтажных домов, и парней да ещё из грузчиков химического комбината и, преимущественно, забойщиков, проходчиков и «лесогонов», отслуживших и повзрослевших умом, потому и ищущие на свою задницу приключения обходили эту точку на карте трёхсоттысячного города стороной. Девчонок было гораздо меньше, только они нет-нет да приводили подруг по работе или из учебных заведений, и эти подруги, что называется, прирастали к нашему двору. . . Пять или шесть – не помню, новеньких мотоциклов «Ява», готовые увезти их хоть на край света, то там то сям отблёскивали, от подъездов, никелированными частями и деталями, зеркалами с обеих сторон руля, приманивали разноцветными габаритами, а разновозрастные исполнители задушевных песен под гитару (тенденция тех времён, но для нашего двора – некая музыкально-певческая особенность), чуть ли – не один на другом, пленили неискушенные коварной любовью юные души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.